

Алекс Скай

ОТВЕРГНУТАЯ ЛУНА АЛЬФЫ

Сахарная лавка для волчат

Алекс Скай

**Отвергнутая Луна
Альфы. Сахарная лавка
для лишних волчат**

«Литнет»

2026

Скай А.

Отвергнутая Луна Альфы. Сахарная лавка для лишних волчат /
А. Скай — «Литнет», 2026

Ещё вчера Мира была Луной Северной стаи и женой властного альфы. Сегодня он публично отрёкся от неё перед всеми, поверив совету, чужим печатям и лжи. Вместо дома ей оставили старую сахарную лавку у восточной границы — пыльную, заброшенную и почти мёртвую. Только лавка оказалась не простой. Она открывает двери тем, кого больше никто не выбрал. Первым в неё приходит испуганный волчонок с серой меткой на руке. Потом ещё дети. А вместе с ними — тайна, которую совет прятал годами. Арсен думал, что изгнал виновную женщину. Но чем ярче разгорается серебряный огонь в старой печи, тем яснее становится: его Луну не сломали. Её лишь привели туда, где начинается настоящая сила. Теперь Мире предстоит защитить волчат, раскрыть ложь стаи и решить, сможет ли она когда-нибудь снова впустить в свою жизнь мужчину, который однажды закрыл перед ней дверь. Она потеряла титул. Но обрела дом, который выбрал её сам.

Содержание

Брошенная перед всей стаей	5
Сахарная лавка просыпается	24
Альфа у порога	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Брошенная перед всей стаей

Мира Велесова поняла, что любовь закончилась не тогда, когда Арсен произнёс её имя ледяным голосом.

И не тогда, когда старейшины вывели её в центр Лунного круга, будто виновницу, хотя ещё утром она проснулась в главном доме стаи его законной Луной.

Любовь закончилась в тот миг, когда она подняла глаза на мужа и увидела: он смотрит не на неё.

Он смотрел поверх её плеча.

На стаю. На совет. На женщин в серебряных покрывалах. На мужчин, стоявших за каменными чашами с лунным огнём. На тех, кто ждал его решения и уже заранее знал, каким оно будет.

А на неё — нет.

— Мира Велесова, — произнёс Арсен Градов.

От звука её полного имени по кругу прошёл шёпот. Не “моя Луна”. Не “жена”. Не “Мира”. Чужая женщина с чужой фамилией, которую можно поставить на камни и разобрать по косточкам взглядами.

Мира выпрямилась.

Серебряное платье, выбранное для праздника Обновления, вдруг стало слишком лёгким для ночного холода. Тонкая вышивка на рукавах цеплялась за пальцы, когда она сжала ладони, чтобы не выдать дрожи. Она знала этот круг с детства: двенадцать чёрных плит, вбитых в землю вокруг старого дуба, чаши с холодным огнём, места для старейшин, тропа альфы, на которую не смел ступить никто без приглашения.

Ещё вчера она стояла здесь рядом с Арсеном.

Сегодня — напротив него.

Между ними лежала вся стая.

— Ты знаешь, зачем тебя позвали? — спросил он.

У него был голос правителя. Ровный, тяжёлый, привыкший к повиновению. От такого голоса щенки переставали шуметь, мужчины опускали головы, а чужие стаи предпочитали договариваться, а не спорить.

Когда-то Мира любила этот голос.

Он звучал у неё над виском тише ветра, когда Арсен возвращался поздно и говорил: “Спи, я дома”. Он становился хриплым от смеха, когда она, не умея толком месить тесто, испортила его любимые лунные рогалики и засыпала мукой всю кухню главного дома. Он мог быть тёплым.

Сегодня в нём не осталось ни крошки тепла.

— Меня позвали не спросить, — ответила Мира. — Меня позвали услышать приговор.

В толпе кто-то ахнул. Кто-то сдавленно фыркнул. Советник Варг, стоявший справа от Арсена, чуть склонил голову, но Мира успела заметить довольную складку у его губ.

Варг всегда улыбался так, будто знал цену каждому человеку в стае и уже прикинул, за сколько его можно обменять.

— Приговор выносят виновным, — сказал Арсен. — Я пока даю тебе возможность говорить.

— Тогда спроси то, что хочешь знать.

Он наконец посмотрел прямо на неё.

И Мира почти пожалела, что ждала этого взгляда.

Серые глаза Арсена Градова, в которых когда-то для неё было место, теперь были закрыты, как ворота главного дома перед чужаком. Ни сомнения. Ни жалости. Ни злости даже.

Злость была бы живой. В ней можно было бы найти остаток прежнего. А эта холодная уверенность резала тоньше любого крика.

— Ты отрицаешь, что скрывала от меня дела с лунной казной? — спросил Арсен.

Мира медленно вдохнула.

Вот оно.

Слово, которое совет обкатывал уже неделю. Казна. Записи. Печати. Слухи, ползущие по кухне, по конюшне, по женским комнатам, по лавкам у ворот. Ей перестали кланяться первой. Потом перестали звать на советы. Потом Арсен начал возвращаться всё позже. Три ночи назад она нашла на своём столе чужую книгу учёта, хотя никогда не вела казённые бумаги. Вчера её горничная не пришла помогать с платьем.

А сегодня утром ей сказали надеть серебро.

Для праздника.

— Я ничего не скрывала, — сказала Мира. — И ты это знаешь.

Варг тихо кашлянул.

— Альфа знает то, что подтверждено печатями.

Ответ прозвучал чисто. Слишком чисто. Но Арсен на долю вдоха отвёл взгляд от Миры — не к стае, не к совету, а к узкой серебряной пластине в руке Варга. Металл поймал лунный свет, и на лице Арсена мелькнула тень, которую он тут же задавил властью.

Мира даже не повернула к нему головы.

— Я говорила с мужем.

— Ты говоришь с альфой, — поправил Варг.

Теперь Мира посмотрела на него.

— Вот как? А когда вы подсовывали мне чужие бумаги, вы тоже делали это от лица альфы?

По толпе прокатился более громкий шёпот. На дальнем краю круга кто-то дёрнул девочку за рукав, заставляя отойти назад. Рукав на секунду задрался, и Мира увидела на тонком запястье тусклое серое кольцо — не браслет, не грязь, а метку, которую в доме младших ветвей велели прятать. Девочка успела встретиться с ней глазами и тут же исчезла за спинами взрослых. Мира заметила это движение краем глаза — и почему-то именно оно ударило сильнее всего. Детей увели подальше, будто рядом с ней стало опасно стоять.

Арсен сделал шаг вперёд.

Огонь в каменных чашах качнулся, хотя ветра не было.

— Следи за словами.

— Я слежу за каждым словом, Арсен. Уже неделю только этим и занимаюсь. Слушаю, что мне говорят за спиной. Смотрю, как меня вычёркивают из дома, где я была хозяйкой. Жду, когда ты войдёшь и спросишь не у Варга, не у совета, не у тех, кому выгодно моё падение, а у меня. Но ты не пришёл.

Его скулы стали жёстче.

— Я дал тебе время признаться.

Мира едва не рассмеялась.

Не от веселья. От того, как страшно иногда звучит глупость, если её произносит сильный мужчина, уверенный в собственной правоте.

— Признаться в чём? В том, что я три года просыпалась раньше всех, чтобы главный дом встречал стаю светом? В том, что я принимала вдов после зимнего похода, когда старейшины спорили о границах? В том, что я знала по именам детей, которых ты называл “младшими ветвями”? В том, что я была твоей Луной даже тогда, когда ты вспоминал обо мне только после совета?

Старейшина Лютобор нахмурился. Его жена Агния опустила глаза. Эвелина Роун, племянница Варга, стоявшая за женщинами совета в бело-сером плаще, смотрела на Миру с мягкой, почти жалостливой улыбкой.

Вот эта улыбка и помогла Мире удержаться.

Если бы все вокруг молчали из страха, ей было бы больнее. Но Эвелина радовалась. Значит, всё это не ошибка. Значит, кто-то очень старался поставить Миру именно сюда — под лунный свет, перед стаей, без защиты.

— Ты говоришь красиво, — произнёс Арсен. — Но ответа нет.

— Потому что вопрос ложный.

Варг сделал ещё один шаг, уже не пряча торжества.

— Альфа, стая слышит. Луна не признаёт вину и обвиняет совет. По старому закону...

— Я знаю закон, — перебил Арсен.

И снова не посмотрел на Миру.

Она почувствовала, как что-то внутри неё, тонкое и упрямое, окончательно надломилось. Не сломалось. Нет. Просто перестало ждать.

Арсен поверил им.

Не доказательствам. Не фактам. Не её словам.

Им.

Те годы, когда она сидела рядом с ним у камина и слушала, как он рассказывает о тяжести власти. Те ночи, когда он приходил с запахом дождя на плечах, а она снимала с него плащ и молча грела руки. Те утренние часы, когда она училась быть Луной не по крови, а по выбору. Всё это оказалось легче чужой печати на чужой бумаге.

— Хорошо, — сказала Мира негромко.

Арсен вскинул взгляд.

— Что хорошо?

— Я поняла.

Впервые за весь вечер в его лице дрогнуло что-то живое. Настороженность. Может быть, раздражение. Может быть, то самое сомнение, которого ей так не хватало минуту назад.

— Что ты поняла?

— Что я стою перед тобой не потому, что ты ищешь правду. Ты уже выбрал, что считать правдой.

Стая затаила дыхание. Уже не шепталась. Уже слушала.

Мира подняла подбородок и повернулась так, чтобы её голос дошёл до дальних рядов.

— Так говори, альфа. Не тни ночь. Твоя стая устала ждать, когда ты избавишь её от женщины, которой перестал верить.

— Мира, — резко сказал он.

Вот теперь имя.

Без фамилии. Без титула. Почти прежнее.

Поздно.

Она посмотрела на него спокойно, хотя пальцы всё ещё сжимались так сильно, что ногти оставляли следы на ладонях.

— Говори.

Арсен молчал дольше, чем позволял круг. Где-то за спинами старейшин хрустнула ветка. В чашах колебался огонь. Над дубом стояла полная луна — круглая, ясная, беспощадно красивая. Та самая, под которой три года назад Арсен взял её за руку и назвал своей парой перед всеми.

Тогда он тоже говорил громко.

Тогда стая кричала от радости.

Сегодня никто не кричал.

— Я, Арсен Градов, альфа Северной стаи, — начал он, и каждое слово падало на камни тяжело, — снимаю с Миры Велесовой знак моей Луны.

У кого-то из женщин сорвался тихий всхлип.

Мира не моргнула.

— С этого часа она не имеет права входить в главный дом как хозяйка, говорить от имени стаи, распоряжаться моим знаком и называться моей...

Он запнулся.

Так коротко, что, возможно, заметила только она.

Но Мира заметила.

Арсен сжал челюсти.

— Моей Луной.

Варг шагнул к каменной чаше, достал из рукава узкую серебряную пластину и опустил её в огонь. Пламя не обожгло металл, только окрасило его холодным светом. На пластине выступили знаки старого закона.

— По милости альфы, — объявил Варг, — изгнанной предоставляются сутки на сборы. Личные вещи, не отмеченные печатью стаи, она может забрать. Всё, что принадлежит главному дому, остаётся в главном доме.

Изгнанной.

Слово оказалось легче, чем Мира думала. Как камешек, брошенный в глубокий колодец. Не сразу слышно, куда упал, но ты уже знаешь: дна не видно.

— Кроме того, — продолжил Варг, — совет постановил передать ей во временное владение старую сахарную лавку у восточной границы поселения. В знак уважения к прежнему положению.

Варг улыбнулся не так, как улыбаются милосердию. Так улыбаются двери, которую наконец удалось открыть чужими руками. На миг Мира поняла: лавку ей отдавали не как крышу над головой. Её отдавали как ловушку, в которую она должна была войти сама.

Эвелина склонила голову.

— Милосердно, — сказала она достаточно громко, чтобы услышали ближайшие женщины.

Мира повернулась к ней.

— Хотите ключ прямо сейчас забрать из моих рук, Эвелина? Или подождёте, пока я отмою там полы?

Улыбка Эвелины застыла.

Кто-то в толпе сдавленно кашлянул, пряча смешок. Ромка Буров, мальчишка лет десяти из младшей ветви, хотел выглянуть из-за матери, но та торопливо закрыла ему глаза ладонью.

Арсен резко посмотрел в сторону смеющихся, и круг снова притих.

— Ты уйдёшь утром, — сказал он Мире.

— Нет.

Слово вышло ровным.

Арсен медленно повернулся к ней.

— Что значит “нет”?

— Это значит, что я уйду сейчас.

— Ночь холодная.

— Вашей милости хватит на стены лавки. На погоду не претендую.

По лицу Арсена прошла тень. Быстро. Почти незаметно. Но Мира слишком хорошо знала его. Он не любил, когда она говорила таким голосом. Не язвительным — отстранённым. Так говорили не с мужем. Так говорили с чужим человеком, который задержал тебя на дороге.

— Ты не выйдешь за границу главного дома ночью, — сказал он. — Это приказ.

Мира впервые за вечер улыбнулась.

Без тепла.

— Я больше не твоя Луна. Твои приказы оставь тем, кто заслужил твоё доверие.

Варг нахмурился.

— Осторожнее, Велесова.

— Я ещё стою в круге и имею право на последнее слово?

Старейшины переглянулись. Лютобор нехотя кивнул.

— Имеешь.

Мира обвела взглядом стаю.

Она увидела лица, с которыми жила три года. Пекаря Матвея, чью дочь она устроила в школу при главном доме. Молчунью Дару, которой помогала чинить крышу после весеннего ливня. Старую Висену, что приносила ей яблоки в первый месяц брака, потому что “новой Луне надо привыкнуть к нашим кислым сортам”. Увидела молодых волков, не смеющих поднять головы. Женщин, жмущих руки детей. Мужчин, готовых согласиться с любым словом альфы, лишь бы не оказаться следующими в центре круга.

И вдруг ей стало не стыдно.

Ни за разорванный титул.

Ни за то, что её поставили перед всеми.

Ни за то, что голос внутри неё просил: “Посмотри на Арсена ещё раз. Вдруг он остановит. Вдруг сейчас”.

Стыдно должно быть не ей.

— Я пришла в эту стаю без рода за спиной, — сказала Мира. — Но не с пустыми руками. Я принесла вам труд, верность и дом, в котором ваши дети не боялись просить лишний кусок пирога. Я не забирала у вас ни серебра, ни хлеба, ни чести. Если сегодня вам легче поверить бумаге, чем женщине, которая три года смотрела вам в глаза, пусть так. Я уйду. Но запомните одно.

Она повернулась к Арсену.

Теперь он смотрел на неё.

Наконец-то.

— Дом рушится не тогда, когда из него выходит Луна. Дом рушится, когда в нём остаётся ложь.

Варг побледнел от злости. Эвелина поджала губы. Старейшина Агния закрыла глаза.

А Арсен ничего не сказал.

И это было его последним словом для неё.

Мира сама сняла с шеи серебряную цепь со знаком Луны. Металл был тёплым от кожи. Маленький круглый медальон с выгравированным волчьим силуэтом три года лежал у неё под сердцем. Когда Арсен надел его на неё в день брака, руки у него дрожали совсем чуть-чуть. Он тогда рассмеялся и сказал, чтобы она никому не рассказывала, иначе молодые воины перестанут его бояться.

Она не рассказала.

Даже теперь не рассказала бы.

Мира подошла к камню альфы и положила знак на его край.

Не бросила. Не швырнула. Не позволила себе ни одного резкого движения, которое потом назвали бы истерикой.

Просто положила.

— Пусть останется тому, кто верит металлу больше, чем памяти.

Арсен посмотрел на медальон.

Мира не стала ждать, поднимет он его или нет.

Она развернулась и пошла прочь.

Толпа расступалась перед ней медленно, нехотя, будто никто не хотел первым показать, что изгнанной всё ещё можно уступить дорогу. Плиты Лунного круга сменились мокрой травой. Подол платья потяжелел от росы. Где-то за спиной Варг продолжал говорить о порядке, законах и завтрашнем распоряжении по главному дому, но слова рассыпались в ночном воздухе, не долетая до неё.

На выходе из круга кто-то тихо сказал:

— Госпожа Мира...

Она узнала голос. Дара.

Мира не остановилась, только чуть повернула голову.

Дара стояла у края тропы с прижатой к груди девочкой. Её губы дрожали, но она так и не шагнула вперёд.

— Берегите малышей, — сказала Мира.

И пошла дальше.

Главный дом встречал её освещёнными окнами. Высокий, тёмный, с серебряными шпилями, впившимися в небо, он всегда казался ей не крепостью, а огромным зверем, который уснул на холме и охраняет своих. Сегодня зверь смотрел пустыми окнами и не узнавал её.

На крыльце стояли двое служителей. Оба отвели глаза.

— Госпожа... — начал один.

— Уже нет, — сказала Мира. — Чемодан в моей комнате?

— Да.

— Кто собирал?

Служитель замялся.

— По приказу совета вещи проверили.

Мира остановилась.

Медленно повернулась к нему.

— Мои письма?

Он сглотнул.

— Оставлены в кабинете альфы до решения.

— Мои книги?

— Те, что без личной пометки, принадлежат дому.

— Моя шкатулка из орехового дерева?

— Там были украшения с печатью стаи.

Она кивнула.

Не потому, что согласилась. Просто поняла, что этот дом уже успели обыскать. Пока она стояла в круге, чужие руки открывали её ящики, трогали ленты, переворачивали страницы, решали, какие воспоминания имеют право уйти с ней, а какие стали имуществом стаи.

— Прекрасно, — сказала Мира. — Значит, совет умеет работать быстро, когда дело касается женских шкафов.

Второй служитель покраснел.

Она вошла внутрь.

В холле пахло воском, дубом и сухими травами, которыми натирали полы. На стенах висели портреты прежних альф и Лун. Мира знала каждое лицо. С каждой женщиной на этих портретах она разговаривала про себя в первый год брака, когда не понимала, как стать своей. У одной просила терпения, у другой — твёрдости, у третьей — умения улыбаться старейшинам, не соглашаясь с ними.

Теперь их взгляды провожали её вниз по коридору.

У лестницы её ждала Ярина, старая ключница главного дома. Сухая, прямая, как тонкая ветка, она держала в руках серый плащ.

— Возьмите, — сказала Ярина.

— Его тоже проверили?

— Он мой.

Мира не сразу нашла, что ответить.

Ярина протянула плащ настойчивее.

— Ночь у восточной границы злая. А лавка давно пустует. Там щели в окнах.

— За это вас могут выгнать с кухни.

— Я уже слишком старая, чтобы бояться кухни.

Мира взяла плащ. Грубая шерсть легла на плечи неожиданно тяжело, но вместе с тяжестью пришло странное ощущение: хоть что-то в эту ночь было дано ей не как подачка и не как наказание.

— Спасибо.

Ярина взглянула на лестницу, потом понизила голос:

— Не верю я в эти бумаги.

Мира крепче сжала край плаща.

— Тогда почему молчали?

На лице ключницы дрогнула горькая складка.

— Потому что старая. Потому что внучка у меня в школе при доме. Потому что у смелости тоже есть цена, госпожа Мира.

Мира хотела сказать, что она больше не госпожа. Но не сказала. У Ярины в этом слове не было ни насмешки, ни закона. Только память.

— Не надо мне объяснять цену, — тихо ответила она. — Сегодня я её видела.

Ключница кивнула.

— Возьмите ещё это.

Она вложила в ладонь Миры маленький медный ключ.

Не серебряный, не церемониальный, не украшенный гербом стаи. Обычный ключ с потемневшей головкой в форме полумесяца.

— От лавки? — спросила Мира.

— От неё. Я думала, совет вручит при всех, чтобы унижить. Но Варг забыл. Или не знал, где лежит. Старая лавка не любит тех, кто приходит с пустыми руками.

— Лавка не любит?

Ярина оглянулась ещё раз.

— Так говорила моя мать. Там когда-то пекли для лунных детей.

— Для кого?

Но наверху хлопнула дверь.

По лестнице спускалась Эвелина.

Она уже сняла плащ совета и теперь выглядела почти домашней: светлые волосы убраны лентой, на губах мягкий блеск, в руках — серебряный подсвечник. Будто это она жила здесь всегда, а Мира пришла на одну ночь попросить комнату.

— Как трогательно, — сказала Эвелина. — Прощание служанок.

Ярина низко склонила голову, пряча лицо.

Мира спрятала ключ в кулак.

— Вам не холодно без чужого места на плечах?

Эвелина улыбнулась.

— Места не бывают чужими, если их освобождают добровольно.

— Я освобождаю не место. Я выхожу из дома, где стало тесно от лжи.

— Ложь — удобное слово для тех, кто потерял положение.

Мира посмотрела на неё внимательно. Теперь, без толпы и факелов, Эвелина казалась не такой уверенной. Слишком ярко блестели глаза. Слишком крепко пальцы держали подсвечник. Она пришла не случайно. Хотела увидеть, как изгнанная споткнётся на последней ступени.

Не дожждётся.

— Берегите полы, — сказала Мира. — На них часто падают те, кто слишком долго смотрит сверху вниз.

Эвелина перестала улыбаться.

— Вы думаете, он будет жалеть?

— Я думаю, вы очень хотите, чтобы я думала именно об этом.

— А разве нет? — Эвелина подошла ближе. — Вы же любили его. Все видели. Как смотрели, как ждали, как верили каждому его слову. Наверное, больно, когда мужчина выбирает стаю, а не женщину.

Мира молчала несколько ударов сердца.

Затем сказала:

— Больнее, когда женщина выбирает чужой позор, потому что своего света не хватает.

Эвелина подняла руку.

Не для удара. Нет. Она была слишком умна для прямой грязи в коридоре, где стояла ключница. Просто движение вышло резким, и пламя в подсвечнике качнулось.

В этот миг по лестнице сверху раздался голос Арсена:

— Эвелина.

Она мгновенно опустила руку.

Мира не подняла головы сразу. Сначала разжала пальцы, чтобы медный ключ не впился в ладонь слишком глубоко. Потом повернулась.

Арсен стоял на верхней площадке.

Без плаща. Без знака альфы на груди. Только в тёмной рубашке, с расстёгнутым воротом и лицом человека, который пришёл слишком поздно и сам это понял.

В руке он держал серебряный медальон Луны.

Её медальон.

— Оставьте нас, — сказал он.

Эвелина побледнела.

— Альфа, я только хотела...

— Оставьте.

Она поклонилась и прошла мимо Миры так близко, что подол её платья коснулся Яриного плаща. Ключница тоже шагнула назад, но Мира мягко остановила её взглядом.

— Ярина останется, — сказала она.

Арсен спустился на несколько ступеней.

— Я хочу поговорить с тобой.

— Мы только что говорили перед всей стаей.

— Не так.

— А как? Тише, чтобы никто не услышал, если ты ошибёшься?

Его глаза потемнели.

— Ты знаешь, что я не хотел унижать тебя.

Вот оно.

Первое оправдание. Не “прости”. Не “я ошибся”. Не “что они сделали”. А “я не хотел”.

Мира почувствовала усталость такую глубокую, что на миг стало трудно держать спину прямой.

— Но унижил.

Арсен сжал медальон.

— Были доказательства.

— Были бумаги. Между ними большая разница.

— Варг поклялся на знаке совета.

— А я три года клялась тебе жизнью рядом с тобой. Видимо, знак совета весит больше.

Он сделал ещё шаг вниз.

— Не уходи ночью.

— Это всё, что ты хотел сказать?

— Я не могу отменить решение круга без нового разбора.

— Не можешь или не хочешь?

Он замолчал.

Ответ был виден и без слов.

Мира кивнула.

— Значит, всё сказано.

Она взяла чемодан, стоявший у стены. Небольшой. Смешно небольшой для трёх лет жизни. В него поместили бельё, два платья без знаков стаи, гребень, старые сапоги и полотняный мешочек с иглами. Наверное, совет решил, что изгнанной женщине хватит умения зашить подол.

Арсен увидел чемодан.

На его лице наконец появилась злость.

— Кто собирал так мало?

— Ваш совет.

— Я не приказывал...

— Конечно. Ты просто позволил.

Он шагнул к ней быстрее, чем она ожидала, но остановился за два шага. Между ними было мало места. Слишком мало для чужих. Слишком много для тех, кем они были.

— Мира.

Она посмотрела на его руку с медальоном.

— Оставь себе. Может, следующей Луне подойдёт.

— Не говори так.

— Почему? Некрасиво звучит? Сегодня было много некрасивого, Арсен. Придётся привыкать.

Его взгляд метнулся к Ярине, потом снова к ней.

— Я выясню, кто трогал твои вещи.

— Поздно.

— Я верну письма.

— Поздно.

— Я пришлю людей к лавке. Там надо проверить крышу и печь.

Мира подняла глаза.

— Не присылай ко мне никого.

— Это не просьба.

— А я больше не принимаю приказы из главного дома.

Он выдохнул через сжатые зубы.

— У восточной границы бывают чужие следы.

— Зато там, говорят, меньше советников.

В его взгляде мелькнуло почти болезненное.

— Ты хочешь, чтобы я просил?

— Нет, Арсен. Я хотела, чтобы ты верил.

Эти слова легли между ними окончательно.

Он ничего не ответил.

Мира взяла чемодан удобнее, кивнула Ярине и пошла к двери. На пороге она почувствовала, что Арсен всё ещё смотрит ей в спину. Когда-то от этого взгляда становилось спокойно. Сегодня он только мешал дышать.

— Мира, — сказал он уже у самых дверей.

Она остановилась, но не обернулась.

— Что?

— Если ты уйдёшь сейчас, назад дороги не будет.

Мира усмехнулась почти беззвучно.

— Ты правда думаешь, что это я закрыла дверь?

Она вышла.

Ночь приняла её сразу — холодом, запахом мокрой земли, дальним воем за холмами и темнотой, в которой главный дом остался позади огромной чёрной глыбой. С крыльца никто не пошёл следом. Никто не окликнул. Никто не предложил хотя бы фонарь.

Только Ярина успела сунуть ей в руку маленький огарок в стеклянной чаше.

— Дорога к восточной границе через старую мельницу, — шепнула она. — Не идите мимо сторожевых псарен. Там Варговы люди.

— Спасибо.

— Лавка откроется, если назовёте своё имя.

— Моё имя у меня ещё не забрали.

Ярина перекрестила пальцы старым знаком Луны, но Мира уже пошла вниз по тропе.

Чемодан оказался тяжелее, чем выглядел. Или это руки слабели после всего, что она заставила их не показывать. Камешки скользили под сапогами. Платье цеплялось за кусты. Серый плащ Ярины спасал от ветра, но не от чувства, что за каждым деревом кто-то смотрит.

Поселение Северной стаи спало не полностью. В окнах мелькали тени. Где-то быстро задёрнули занавеску. У дома пекаря Матвея горел тусклый свет, и Мира увидела, как за стеклом женщина прижала ладонь к губам. Но дверь никто не открыл.

Она не осуждала.

Пока не осуждала.

Страх в стае был давним. Он жил не в законах, а в привычке. Не спорить с советом. Не задавать вопросов альфе. Не защищать того, кого уже называли виновным. Мира сама слишком долго верила, что с этой привычкой можно бороться мягко: пирогами после собраний, разговорами в саду, местами для сирот за общим столом, просьбами к Арсену быть терпимее.

Ночь показала ей цену мягкости, когда рядом с ней нет силы.

У старой мельницы она остановилась перевести дыхание. Луна висела над чёрными крыльями сломанного колеса. Когда-то сюда приводили детей на праздник первого оборота. Мира помнила Тима — маленького, худого мальчика с большими глазами. Он тогда прятался за бочку с яблоками и отказывался выходить к общему костру. Она принесла ему сахарного петушка, сделанного кухаркой, и сказала, что храбрые тоже иногда сидят за бочками.

Он не улыбнулся, но петушка взял.

Как давно это было?

Год назад? Меньше?

После праздника она спрашивала у Арсена, чей это ребёнок. Он отмахнулся: из младшей ветви, разберутся. Потом пришёл Варг с бумагами о новых распределениях, и разговор утонул в других делах.

Мира стиснула ручку чемодана.

“Младшие ветви”.

Как удобно взрослым придумывать слова, чтобы дети звучали не как дети, а как порядок в списках.

Дорога за мельницей стала уже. Дома остались позади, вместо них тянулись старые склады, пустые амбары и заборы, давно требующие починки. Восточная граница поселения всегда была нелюбимым местом. Здесь селились те, кому не хватило места ближе к площади. Здесь сушили травы, держали старые телеги, хранили сломанные вещи, которые жалко выбросить и некому чинить.

И где-то здесь стояла её новая милость.

Сахарная лавка.

Мира почти рассмеялась, когда увидела вывеску.

Она висела криво, на одной цепи, почерневшая от дождей. Когда-то на ней были нарисованы полумесяц и горка сахара, но краска облезла так, что полумесяц стал похож на обломанный коготь. Окна покрывала пыль. Дверь просела. На ступеньке вырос мох. Над крышей торчала маленькая труба, такая тонкая, будто печь внутри давно забыла, зачем ей дым.

— Вот оно, уважение к прежнему положению, — сказала Мира в пустоту.

Пустота не ответила.

Она поднялась на крыльцо. Доска под ногой жалобно скрипнула. Мира поставила чемодан, достала медный ключ и только теперь заметила, что на его головке выгравированы крошечные буквы. Такие мелкие, что без лунного света их было бы не разобрать.

“Для той, кто впустит”.

Странная надпись.

Не “для хозяйки”. Не “для Луны”. Не “для законной владелицы”.

Для той, кто впустит.

— Что ж, — тихо сказала Мира, — сначала впустим меня.

Она вставила ключ в замочную скважину.

Замок не повернулся.

Мира нахмурилась, попробовала ещё раз. Ключ вошёл легко, но дальше будто упёрся во что-то невидимое.

— Прекрасно. Даже лавка решила, что я недостаточно изгнана.

Она сняла перчатку, обхватила ключ голыми пальцами и вдруг ощутила слабое тепло. Не от металла. От двери. Старая древесина под ладонью была не холодной, как должна была быть после ночного ветра, а тёплой, почти живой.

Вспомнились слова Ярины.

“Лавка откроется, если назовёте своё имя”.

Мира закрыла глаза.

Имя.

Сегодня у неё забрали титул. Дом. Часть вещей. Место за столом. Право стоять рядом с Арсеном. Но имя осталось. И странно — именно сейчас оно показалось не меньшим богатством, чем все серебряные залы главного дома.

— Я Мира Велесова, — сказала она двери. — Больше не Луна альфы. Больше не хозяйка главного дома. Просто Мира. И мне нужно войти.

Ключ повернулся сам.

Внутри что-то щёлкнуло. Дверь медленно подалась вперёд, выпуская запах пыли, старого дерева и чего-то сладкого, едва уловимого, будто в стенах застряла память о давней карамели.

Мира подняла чемодан и переступила порог.

Пол скрипнул, но выдержал. В лавке было темно. Лунный свет пробивался через грязные окна и ложился бледными полосами на пустые полки. Прилавок стоял у правой стены, широкий, потёртый, с трещиной на углу. За ним виднелась дверь в маленькую кухню. В углу — круглый столик с двумя стульями. Один был перевернут.

Мира поставила чемодан у двери.

— Не дворец, — сказала она. — Зато никто не говорит “по милости альфы” каждые три минуты.

Голос прозвучал хрипло. Ей не понравилось, как он дрогнул на последнем слове, и она сразу занялась делом. Подняла стул. Провела ладонью по прилавку. Пыль осталась на пальцах толстым серым слоем. На стене за полками висел ржавый крючок, а ниже — выцветшая лента, прибитая гвоздиком. На ленте были вышиты маленькие волчьи лапы.

Мира коснулась вышивки.
Кто-то делал это с любовью.
Она открыла дверь в кухню.

Печь занимала почти всю дальнюю стену. Белая когда-то, теперь серая от времени, с полукруглым чревом и каменной плитой, на которой стояли пустые формы: звёзды, полумесяцы, маленькие волчьи мордочки. Рядом висели лопатки, венчики, сито и связка деревянных ложек. На нижней полке нашёлся мешок, но Мира не стала смотреть внутрь. Сначала надо было понять, где здесь можно переночевать.

За кухней обнаружилась крошечная комната. Узкая кровать, сундук, умывальник, окно на заросший двор. Постель была накрыта грубым покрывалом, но пылилось всё так давно, что садиться не хотелось.

— Завтра, — сказала Мира. — Завтра я вымою полы, разберу полки, найду воду, проверю крышу и решу, как жить дальше.

Слово “завтра” прозвучало почти дерзко.

Завтра у неё всё ещё будет.

Не главный дом. Не Арсен. Не стая за спиной.

Но будет утро.

Она вернулась в кухню и попыталась разжечь печь. Поленья лежали в ящике рядом, сухие на вид. Мира сложила их, как учила кухарка, нашла огниво, высекла искры.

Ничего.

Она попробовала снова.

И снова.

Печь оставалась холодной, чёрной и упрямой.

— Только не ты, — пробормотала Мира. — Сегодня я уже достаточно разговаривала с холодными вещами.

Она опустила на табурет, всё ещё держа огниво.

И впервые за ночь позволила плечам согнуться.

Не заплакала. Слезы стояли близко, жгли глаза, но не падали. Может быть, гордость держала. Может, усталость. Может, внутри всё стало таким тугим, что даже слёзы не находили пути.

Перед ней была печь. За стеной — пустая лавка. В чемодане — чужая жалость, сложенная поверх двух платьев. В прошлом — Арсен, который сказал при всех, что она больше не его Луна.

“Если ты уйдёшь сейчас, назад дороги не будет”.

Мира вдруг тихо сказала в темноту:

— И хорошо.

Стук в дверь раздался так резко, что она вскочила.

Не громкий. Не властный. Не мужской удар кулаком, от которого дрожат петли.

Слабый.

Раз.

Пауза.

Ещё раз.

Мира замерла, прислушиваясь.

Ветер мог качнуть вывеску. Доска могла скрипнуть. Старое дерево могло жить своей ночной жизнью.

Стук повторился.

Три коротких удара.

Она взяла со стола деревянную лопатку. Смешное оружие, но выбирать было не из чего. Потом прошла через лавку к двери, стараясь ступать тихо.

— Кто там?

За дверью молчали.

— Я спросила, кто там.

Снаружи послышался шорох. Потом тонкий голос, такой тихий, что Мира скорее угадала слова, чем услышала:

— Не открывайте, если нельзя.

Она застыла.

Ребёнок.

Мира распахнула дверь.

На крыльце стоял мальчик лет семи или восьми. Маленький, худой, в слишком большой куртке с чужого плеча. Волосы тёмными прядями прилипли ко лбу от сырости. На щеке — полоска грязи. Глаза огромные, жёлто-карие, волчьи, испуганные и злые одновременно.

Тим.

Она узнала его не сразу, потому что за последний год он стал ещё тоньше, а детская округлость почти ушла с лица. Но глаза остались те же. Глаза мальчика, который прячется за бочкой и всё равно следит за всем вокруг.

— Тим? — спросила Мира.

Он отступил на шаг.

— Я ничего не взял.

— Я не говорила, что взял.

— Я только постучал.

— Вижу.

Он посмотрел за её плечо, в тёмную лавку, потом на дорогу. Будто решал, где опаснее.

Мира опустила лопатку.

— Почему ты один?

Тим пожал плечом, но движение вышло таким взрослым и упрямым, что у Миры неприятно сжалось внутри.

— Так получилось.

— Ночью у восточной границы ничего просто так не получается.

Он насупился.

— Вы теперь тоже тут.

— Верно.

— Значит, можно.

— Мне взрослые сегодня выдали эту неприятность официально. А тебе кто разрешил ходить одному?

Тим посмотрел на неё исподлобья.

— Никто.

— Так я и думала.

Она распахнула дверь шире.

— Заходи.

Мальчик не двинулся.

— Мне нельзя.

— Кто сказал?

Он молчал.

Мира внимательно посмотрела на него. Не на грязную куртку. Не на сбитые сапоги. На руки. Левая была спрятана в рукав. Правая держалась за край куртки так крепко, будто он боялся, что одежда рассыплется, если отпустить.

— Тим, — сказала она мягче. — Ты замёрз?

— Нет.

— Промок?

— Нет.

— Ел сегодня?

Он ответил слишком быстро:

— Да.

Мира посмотрела на него.

Тим сжал губы.

— Немного.

— Когда?

Он нахмурился ещё сильнее.

— Днём.

— Что?

— Не помню.

Детская ложь бывает разной. Иногда смешной. Иногда наглой. Иногда такой тонкой, что взрослому проще сделать вид, будто поверил, потому что иначе придётся признать: ребёнок научился лгать не от избытка хитрости, а от нехватки защиты.

Мира отступила от двери.

— В лавке нет готовой еды. Но я посмотрю, что можно найти.

— Я не просил.

— Я тоже не предлагала сделку. Я сказала: заходи.

Он снова посмотрел на дорогу.

Вдалеке, за старой мельницей, мелькнул огонёк. Может, сторожевой. Может, поздний прохожий. Но Тим заметил его и сразу втянул голову в плечи.

Мира сделала вид, что не видит его страха.

— Там темно, — сказала она. — Здесь тоже темно, но хотя бы крыша есть.

— Меня выгонят, если узнают.

— Кто?

Он молчал.

— Из дома? — спросила Мира.

Тим коротко мотнул головой.

— Из приюта?

На этот раз он не успел скрыть реакцию. Пальцы на куртке побелели.

Мира очень медленно протянула руку, не касаясь его.

— Я не отдам тебя обратно этой ночью.

Он посмотрел на её ладонь. Потом на лицо.

— Вы больше не Луна.

Слова ударили неожиданно.

Не потому, что были жестокими. Потому что ребёнок произнёс их не с насмешкой, а с отчаянной точностью. Как проверку: осталось ли у неё хоть какое-то право защищать.

Мира опустила руку.

— Да. Больше не Луна.

Тим сделал шаг назад.

Она добавила:

— Но дверь открыть могу.

Он замер.

— И место у печи дать могу. Если печь согласится работать. И поискать что-нибудь сладкое могу. И не спрашивать больше, чем ты готов сказать, тоже могу.

Мальчик долго смотрел на неё. Потом медленно переступил порог.

Мира закрыла дверь не сразу. Сначала посмотрела на дорогу. Огонёк у мельницы исчез. Ночь снова стала пустой.

Тогда она заперла замок.

Тим стоял посреди лавки, не решаясь пройти дальше. Он был слишком маленьким для этой пустоты и слишком настороженным для своего возраста. В лунном свете Мира заметила, что левый рукав его куртки всё ещё натянут до самых пальцев.

— Давай на кухню, — сказала она. — Там теплее. Теоретически.

— Что значит “теоретически”?

— Значит, печь пока считает иначе.

Он впервые посмотрел на неё не только испуганно, но и с интересом.

— Она старая.

— Я тоже сегодня чувствую себя не новой.

Тим нахмурился, будто не понял, можно ли смеяться.

Мира повесила плащ Ярины на крючок и прошла в кухню. Мальчик следовал за ней на расстоянии двух шагов. У печи он остановился и втянул носом воздух.

— Тут пахнет сахаром.

— Ты чувствуешь?

— Да.

— А я думала, мне показалось.

Тим подошёл ближе к полке с формами. Коснулся пальцем маленькой волчьей мордочки, потом быстро убрал руку, будто его поймали.

— Можно, — сказала Мира.

— Что?

— Трогать. Если аккуратно.

— В приюте нельзя.

Слово всё-таки прозвучало.

Мира не стала хвататься за него сразу.

— Здесь не приют.

— А что?

Она оглядела облезлые стены, холодную печь, пыльные полки, один табурет и свой чемодан у входа.

— Пока не знаю.

Тим перевёл взгляд на неё.

— Вы тоже не знаете, где теперь жить?

Вопрос был такой прямой, что Мира на миг потеряла все взрослые ответы.

— Похоже на то.

— А альфа вас выгнал?

Она молча достала с полки мешок и развязала его. Внутри оказался сахар. Не свежий белый песок, а крупные неровные кусочки, похожие на маленькие ледяные камешки. Мира взяла один, осторожно понюхала. Сладкий. Чистый. Странно чистый для лавки, которая стояла закрытой неизвестно сколько времени.

— Альфа решил, что мне здесь будет полезнее, — сказала она.

Тим фыркнул.

— Взрослые всегда так говорят, когда делают плохо.

Мира посмотрела на него поверх мешка.

— У тебя богатый опыт?

Он тут же замкнулся.

— Нет.

— Понятно.

— Ничего вам не понятно.

В голосе мальчика вдруг появилась злость. Не громкая, но острая.

— Вы жили в главном доме. У вас были окна большие. И лестница. И вас все слушали. А потом один раз не послушали — и вы уже думаете, что всё знаете.

Мира медленно завязала мешок.

Он испугался собственных слов. Сразу стало видно: ждал окрика, наказания, двери наружу. Но она только села на табурет напротив печи.

— Ты прав.

Тим моргнул.

— Что?

— Я правда многого не знаю.

Он смотрел подозрительно.

— Но могу узнать, если ты когда-нибудь расскажешь, — сказала Мира. — Не сейчас. Когда захочешь.

Мальчик отвёл глаза.

— Я не хочу.

— Значит, не сейчас.

В кухне стало очень тихо. Мира слышала, как где-то в стене скребётся ветка. Как с крыши падает вода. Как Тим дышит часто, но старается делать вид, что спокоен.

Она снова взяла огниво.

— Попробуем уговорить печь ещё раз. Раз уж у нас появился свидетель моего позора.

— Она не зажжётся так.

Мира подняла брови.

— Печь сообщила тебе лично?

— Нет. Просто... — Тим замялся. — Тут старые печи. Их нельзя заставлять. Их просят.

— Ты много знаешь о старых печах?

— Лисса знает. Она слушает стены.

— Лисса?

Он сразу прикусил губу.

Мира сделала вид, что занята поленьями.

— Хорошо. Значит, просить. Как?

Тим подошёл ближе. Левый рукав сполз, когда он поднял руку к печной дверце.

Мира увидела метку.

Серая, неровная, похожая на отпечаток волчьей лапы, перечёркнутый тонкой линией. Такие знаки ставили не украшением. Их прятали. О них не говорили за общим столом. В главном доме Мира однажды спросила Варга, почему у некоторых детей из младших ветвей есть серые метки, но он ответил, что это “знак распределения”.

Теперь она смотрела на маленькое запястье и впервые ясно понимала: никакое это не распределение.

Тим заметил её взгляд и резко дёрнул рукав вниз.

— Не смотрите.

— Хорошо.

— Все смотрят.

— Я не буду.

— Уже посмотрели.

— Да. И больше не буду, если тебе неприятно.

Он встал к ней боком, закрывая руку.

— Это значит, что я плохой.

Мира ощутила, как внутри поднялась тихая, очень холодная злость.

Не на ребёнка. На тех, кто вложил ему это в голову так глубоко, что он произнёс не “говорят”, не “думают”, а “значит”.

— Нет, — сказала она.

— Вы не знаете.

— Знаю.

— Вы же сами сказали, что многого не знаете.

— Этого достаточно.

Тим насупился.

— Серые не остаются в домах. Серых отдают.

— Кому?

— Куда скажут.

Мира встала.

Мальчик сразу отступил, но она не подошла к нему. Она подошла к печи. Положила ладонь на холодный камень.

— Тогда слушай меня внимательно, Тим. Я не знаю, кто сказал тебе эту гадость. Не знаю, сколько раз. Не знаю, почему взрослые вокруг тебя решили, что метка на руке важнее тебя самого. Но в этой лавке никто не будет называть тебя плохим из-за знака.

Он смотрел на неё недоверчиво.

— Вы не сможете.

— Что?

— Запретить всем.

Мира провела пальцами по камню печи. Холод уже не казался обычным. В нём будто пряталось ожидание.

— Всем — нет, — сказала она. — Здесь — смогу.

Тим не ответил.

Она вспомнила надпись на ключе.

“Для той, кто впустит”.

Мира вдруг поняла, что дверь открылась не потому, что ей нужна была крыша. И не потому, что она назвала имя.

Может быть, лавка ждала не хозяйку.

Может быть, лавка ждала того, кого впустят.

— Тим, — сказала она, не оборачиваясь. — Как, по словам Лиссы, просят старые печи?

Он молчал так долго, что она уже решила: не ответит.

Потом мальчик тихо произнёс:

— Надо сказать, для кого тепло.

Мира закрыла глаза на один вдох.

Для кого тепло.

Не “зажись”. Не “служи”. Не “подчинись”.

Она открыла печную дверцу. Внутри было темно. Поленья лежали сухо и беспомощно. Она положила рядом кусочков старого сахара, сама не зная зачем, просто потому, что так попросилась рука. Потом выпрямилась.

— Для Тима, — сказала Мира. — Который постучал, хотя боялся. Для ребёнка, которому никто не имел права говорить, что он плохой. Для ночи, в которой слишком холодно стоять одному за дверью. И... для меня. Потому что я тоже не хочу больше мёрзнуть там, где меня не ждут.

Сначала ничего не произошло.

Тим тихо выдохнул, будто так и знал.

Мира уже собиралась закрыть дверцу, когда в глубине печи щёлкнуло.

Не дерево.

Камень.

По белой, старой, покрытой серыми разводами поверхности пробежала тонкая серебряная линия. Потом вторая. Третья. Они расходились от печной дверцы, как прожилки по листу, поднимались вверх, обвивали полукруглое чрево печи и складывались в знак, которого Мира никогда не видела в книгах главного дома.

Волчья лапа.

И над ней — маленький полумесяц.

Тим отступил к стене.

— Вы... вы это сделали?

— Нет, — прошептала Мира.

В печи вспыхнул огонь.

Не красный и не золотой. Серебряный. Мягкий, прозрачный, как лунный свет, ставший живым. Он не рванулся наружу, не обжёг воздух, не задымил. Просто поднялся над поленьями ровными языками, осветил кухню, формы на полке, пыльный стол, лицо мальчика и руки Миры.

Старые деревянные ложки тихо качнулись на крючках.

На прилавке в лавке что-то звякнуло.

Мира и Тим одновременно повернулись.

Из тёмной торговой комнаты донёсся лёгкий шелест. Будто кто-то провёл пальцами по бумаге.

Мира взяла лопатку и вышла первой.

Серебряный свет из кухни тянулся за ней полосой. Теперь лавка уже не казалась пустой. Тени от полок стали мягче. Пыль на витринах блестела мелкими искрами. А на прилавке, где ещё минуту назад ничего не было, лежала тонкая тетрадь в коричневой обложке.

Мира подошла медленно.

На обложке проступали слова.

Сначала бледные. Потом всё ярче.

“Дом тем, кого не выбрали”.

Тим встал рядом с ней, почти касаясь плечом её руки. Он тоже прочитал. Мира почувствовала, как мальчик задержал дыхание.

— Это про серых? — спросил он шёпотом.

Мира смотрела на тетрадь, на свет из кухни, на медный ключ, который вдруг потеплел в её ладони.

За окнами восточной границы протянулся далёкий волчий вой.

Не охотничий.

Тревожный.

Тим побледнел.

— Они ищут меня.

Мира повернулась к двери.

Снаружи, на мокрой дороге за лавкой, мелькнул свет фонаря. Потом второй.

Кто-то шёл от старой мельницы.

Не один.

Мира положила ладонь на плечо мальчика и впервые за эту ночь почувствовала не пустоту после потери, а ясную, твёрдую злость, которой можно было закрыть собой дверь.

— Тогда пусть постучат, — сказала она.

Серебряный огонь в печи вспыхнул ярче, и над старой вывеской снаружи, ещё невидимо для тех, кто приближался, начали проступать новые буквы.

Сначала одна. Потом вторая. Потом вся фраза легла на потемневшее дерево серебряным светом:

Дом тем, кого не выбрали.
Снаружи кто-то ударил кулаком в дверь.
— Открывайте именем совета.

Сахарная лавка просыпается

Фонари приближались медленно.

Именно это было хуже всего.

Если бы люди бежали, Мира успела бы понять их намерение по шагам. Спешка часто выдаёт страх, злость или приказ, который нельзя отложить. Но те, кто шёл от мельницы, не торопились. Они двигались по дороге уверенно, будто заранее знали, что дверь откроют. Будто всё на этой улице — старые склады, покосившийся забор, мокрая колея, тёмные окна лавки и даже мальчик за Мириной спиной — уже принадлежало им.

Тим стоял так тихо, что Мира слышала только собственное дыхание и мягкий треск серебряного огня в печи.

На улице хрустнул гравий.

Один фонарь поднялся выше. Свет скользнул по мутному стеклу витрины, зацепился за пыль и распался тусклыми пятнами.

— Не открывайте, — прошептал Тим.

Мира не повернулась, но ладонь на его плече сжала чуть крепче.

— Ты знаешь, кто там?

Он молчал.

Снаружи кто-то остановился у крыльца. Доска под тяжёлым сапогом жалобно скрипнула, и в этом скрипе было столько хозяйского права, что у Миры внутри поднялась знакомая холодная злость. Так ступали по чужому порогу те, кто никогда не сомневался: если перед ними дверь, значит, она должна распахнуться.

Раздался стук.

Не просьба. Требование.

— Открывайте именем совета.

Тим вздрогнул.

Мира убрала руку с его плеча и тихо сказала:

— В кухню. К печи. Не прячься в шкаф, не лезь под стол. Просто встань там, где тепло.

— Они меня увидят.

— Сначала они увидят меня.

— Вы не сможете...

— Тим.

Он замолчал.

Мира впервые за ночь произнесла его имя так, как когда-то говорила с младшими на праздниках: не ласково до сладости, не строго до страха, а спокойно. Как взрослый, который не собирается отступать.

— Иди к печи.

Мальчик сглотнул, бросил взгляд на дверь и попятился в кухню. Серебряный свет лёг на его лицо, сделал глаза почти янтарными. Печь тихо вспыхнула ярче, словно узнала его страх и решила ответить не словами, а теплом.

Стук повторился.

— Мира Велесова, — произнёс голос за дверью. — Мы знаем, что вы внутри.

Она усмехнулась.

Ещё несколько часов назад её имя в устах Арсена звучало как отречение. Теперь оно стало поводом ломиться в лавку, которую ей же и бросили под ноги.

Мира подошла к прилавку и посмотрела на тетрадь.

Коричневая обложка лежала там, где её точно не было прежде. Буквы *“Дом тем, кого не выбрали”* больше не светились ярко, но и не исчезали. Они будто впитались в кожу переплёта, оставшись тёплыми, живыми. Мира коснулась их кончиками пальцев.

Тетрадь раскрылась сама.

Страницы зашелестели, хотя в лавке не было сквозняка. Они перелистывались так быстро, что Мира не успела разобрать ни слова, а потом внезапно остановились. Чернила проступили на пустом листе тонкими серебряными линиями.

Первый огонь не отдаёт вошедшего до рассвета.

Кто просил тепло — тот отвечает за дверь.

Мира прочитала дважды.

Снаружи ударили сильнее.

— Открывайте.

Она медленно выдохнула.

— Как интересно, — сказала она тихо. — Значит, отвечаю я.

На кухне Тим всхлипнул так беззвучно, что это почти не было звуком, но Мира всё равно услышала.

Она взяла тетрадь, прижала к груди и пошла к двери. Лопатка осталась на прилавке. Смешно защищать порог деревяшкой, когда за спиной горит серебряная печь, а в груди вместо разбитого доверия наконец поднимается что-то крепче горя.

Мира открыла не сразу.

Сначала сняла засов.

Потом повернула ключ.

Потом распахнула дверь ровно настолько, чтобы выйти на крыльцо самой и не дать заглянуть внутрь.

На ступенях стояли двое.

Первого она знала: Савелий Крук, младший писарь при совете. Узкие плечи, длинная шея, вечно поджатые губы человека, который всю жизнь носит чужие распоряжения и постепенно начинает считать их собственными мыслями. В руках он держал фонарь, на груди — кожаный футляр с бумагами.

Второй был из сторожевых. Широкий, молчаливый, с серой повязкой на рукаве. Имени Мира не помнила, но видела его у ворот главного дома рядом с людьми Варга.

— Поздновато для визитов, Савелий, — сказала она. — Или совет уже соскучился?

Писарь поджал губы ещё сильнее.

— Не думал, что в вашем положении уместны шутки.

— А я не думала, что в моём положении ко мне будут приходить гости с таким нетерпением.

Он попытался заглянуть ей за плечо.

Мира шагнула вперёд и прикрыла дверь спиной.

Савелий заметил это. Конечно, заметил. Писари вообще редко пропускают движения, из которых можно сделать донос.

— К нам поступило сообщение, что из Дома младших ветвей ушёл ребёнок, — сказал он. — Мальчик по имени Тимофей. Его видели у восточной дороги.

— И вы решили искать его у изгнанной женщины?

— Вы больше не Луна, но всё ещё обязаны подчиняться внутреннему порядку стаи.

— Забавно. Когда меня лишали прав, об обязанностях не забыли.

Сторожевой хмуро переступил с ноги на ногу. Доска снова скрипнула.

— Велено осмотреть лавку, — сказал он.

— Кем?

— Советом.

— А альфой?

Савелий отвёл глаза на одну короткую долю мгновения.

Этого хватило.

Мира улыбнулась.

— Значит, Арсен не знает.

— Альфа передал совету полномочия по делам младших ветвей.

— Сегодня ночью альфа был очень занят моим изгнанием. Сомневаюсь, что он успел передать вам ещё и мою дверь.

Писарь порозовел от раздражения.

— Вы препятствуете распоряжению.

— Я стою на пороге лавки, которую ваш же совет передал мне во временное владение. Если вы пришли за сахаром, лавка закрыта. Если за ребёнком, которого у меня, по вашим словам, только могли видеть, предъявите знак альфы.

— Не вам требовать...

— Мне.

Это слово прозвучало спокойно, но за ним в лавке будто шевельнулась печь. Серебряный свет из-под двери стал ярче, скользнул по ступеням и коснулся сапог Савелия.

Писарь отступил.

Сторожевой посмотрел вниз.

— Что это?

— Пол, — сказала Мира. — В старых лавках он иногда бывает.

— Свет.

— Огонь в печи.

— Здесь печь не горела лет двадцать, — хрипло произнёс сторожевой.

Мира повернула к нему голову.

— Откуда знаете?

Он тут же замкнулся.

Савелий поднял подбородок.

— Мира Велесова, если вы скрываете ребёнка с серой меткой, это будет расценено как прямое нарушение.

— Осторожнее, — сказала она тихо.

— Что?

— Слова выбирайте осторожнее. Вы сейчас стоите у моей двери и называете ребёнка не по имени, а по метке.

— Эти дети находятся под особым порядком.

— Дети находятся под одеялами, за столами, на руках у тех, кто их любит. Под порядком держат бумаги.

Сторожевой снова посмотрел на щель под дверью. Серебро света стало гуще, будто огонь внутри подошёл ближе.

Савелий вытащил из футляра сложенный лист.

— У меня есть право осмотра.

— Читайте.

— Что?

— Раз уж пришли ночью к одинокой женщине с фонарём и сторожевым, прочитайте вслух, кто подписал право осмотра.

Писарь замер.

Мира увидела, как у него дрогнули пальцы на сгибе бумаги.

— Документ составлен канцелярией совета.

- Подпись?
- Варг Роун, старший советник.
- Не альфа.
- Совет действует от имени...
- Не альфа, — повторила Мира.

На этот раз она вложила в слова всё, чему научилась за три года в главном доме: не громкость, а вес. Не крик, а положение спины. Не угрозу, а уверенность, что каждый закон имеет точку, в которой его можно заставить показать лицо.

Савелий понял.

Сторожевой тоже.

Ни один из них не хотел будить Арсена Градова после Лунного круга и объяснять, почему они среди ночи полезли в старую лавку без его прямого знака.

Но уходить сразу Савелий тоже не мог. Не после того, как пришёл с фонарём и чужой важностью.

— Если мальчик здесь, — сказал он, понизив голос, — вы не сможете удержать его долго. Утром совет узнает.

— Тогда пусть утром совет приходит при свете.

— Вы пожалеете.

Мира прислонилась плечом к косяку.

— Сегодня мне уже обещали отсутствие дороги назад. Придумайте что-нибудь свежее.

У сторожевого дёрнулся уголок губ. Не улыбка, нет. Но почти.

Савелий заметил и резко захлопнул футляр.

— На рассвете вы получите требование явиться для объяснений.

— Вот и договорились.

— Не думайте, что старая лавка защитит вас.

Мира посмотрела на свет под дверью, потом снова на писаря.

— А вы не думайте, что старые вещи всегда мертвы.

Савелий отступил первым. Сторожевой задержался на ступень ниже и вдруг сказал, не поднимая глаз:

— У восточного колодца бывает холодно. Детям там не место.

Писарь резко повернулся к нему:

— Что ты сказал?

— Что дорога скользкая, — буркнул тот. — Пойдём уже.

Они ушли.

Мира стояла на крыльце, пока фонари не миновали мельницу. Только тогда она вернулась внутрь и заперла дверь. Засов лёг в паз с таким довольным звуком, будто лавка тоже поставила точку.

Тим ждал у входа в кухню.

Он старался держаться прямо, но губы у него побелели.

— Вы им не сказали.

— А должна была?

— Все говорят.

— Я не все.

Он сглотнул.

— Они всё равно придут утром.

— Значит, у нас есть ночь, чтобы подготовиться.

— К чему?

Мира посмотрела на тетрадь в своих руках.

— Пока не знаю. Но, кажется, лавка знает больше нас.

Тим осторожно подошёл ближе. Теперь, когда опасность ушла за мельницу, он снова стал ребёнком: мокрым, худым, уставшим до прозрачности. На его щеке грязная полоса подсохла, волосы торчали в разные стороны, а в глазах держалась та недоверчивая надежда, которая не решалась стать настоящей.

— Можно посмотреть? — спросил он.

Мира положила тетрадь на прилавок.

— Вместе.

Он встал рядом, но на расстоянии. Так близко, чтобы видеть страницы, и так далеко, чтобы в любой миг отскочить.

Тетрадь больше не перелистывалась. На развороте под первым правилом проступали новые строки:

Когда первый ребёнок входит в дом, дом просит хлеба.

Когда первый страх остаётся за дверью, огонь просит сладкого.

Когда первая ложь приходит снаружи, хозяйка должна испечь правду так, чтобы её запах дошёл до тех, кто молчал.

— Испечь правду? — Тим нахмурился. — Это как?

— Очень хороший вопрос.

— Вы умеете?

Мира честно посмотрела на него.

— Я умею портить лунные рогалики так, что альфа однажды смеялся до слёз.

Тим неуверенно моргнул.

— Альфы смеются?

Боль кольнула внезапно. Не сильная, но точная. Где-то в прошлом действительно был Арсен, который смеялся на кухне, весь в муке, с прядью волос на лбу и тёплыми руками. Мира позволила этому воспоминанию пройти мимо. Не прогнала — просто не пошла за ним.

— Иногда, — сказала она. — Когда рядом нет совета.

Тим подумал над этим и вдруг тихо фыркнул.

Это был почти смех.

Почти.

Для начала хватало.

Мира вернулась на кухню. Серебряный огонь горел ровно. Печь уже прогрела стены, и старый холод отступал из углов, нехотя, ворчливо, но отступал. На полке над столом обнаружили не только формы, но и жестяные коробки. В одной — крупный сахар. В другой — мука, удивительно сухая и чистая. В третьей — тонкие серебристые крошки, похожие на измельчённый лунный лёд.

Мира не стала трогать третью коробку.

— Начнём с того, что понятно, — сказала она. — Мука, сахар, вода.

— Воды нет.

— Найдём.

— Колодец во дворе, — сказал Тим. — Только ведро тяжёлое.

Мира повернулась.

— Ты откуда знаешь?

Он сразу стал настороженным.

— Лисса говорила.

— Лисса, которая слушает стены?

Тим кивнул.

— Она тут была?

— Не внутри. Рядом. Она всё слышит.

— Даже стены?

— Особенно стены.

Он сказал это так серьёзно, что Мира не улыбнулась.

За кухней действительно нашлась задняя дверь во двор. Петли заупрямились, но открылись после второго толчка. Двор зарос мокрой травой. У забора темнела старая яблоня, скрюченная, но живая. Колодец стоял у стены, под навесом, где паутина свисала серебряными нитями.

Ведро оказалось не просто тяжёлым — упрямым, как вся эта ночь.

Мира тянула верёвку, чувствуя, как болят пальцы после чемодана и холода. Тим стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— Я могу помочь.

— Можешь держать фонарь.

— У нас нет фонаря.

— Значит, будешь главным смотрителем за тем, чтобы я не упала в колодец.

— Это глупая должность.

— Зато ответственная.

Он опять почти улыбнулся.

Когда ведро поднялось, вода в нём оказалась тёмной, но чистой на запах. Мира занесла его в кухню, отлила немного в глиняную миску и остановилась перед столом.

— Так. Теперь вопрос: что именно мы печём?

Тетрадь на прилавке зашелестела так громко, что Тим вздрогнул.

Мира вышла в лавку, принесла её на кухню и положила рядом с мукой. Страницы раскрылись на рисунке маленьких булочек в форме полумесяца. Под рисунком медленно проступили слова:

Лунные булочки первого дома.

Для тех, кто вошёл без места.

Для тех, кто остался без имени.

Для тех, кого ещё приведёт запах.

— Кого ещё приведёт? — прошептал Тим.

Мира тоже смотрела на строку.

В кухне стало теплее.

Где-то наверху, под потолком, тихо звякнули металлические формы. Одна сорвалась с крючка, но не упала: медленно, будто её держала невидимая рука, проплыла к столу и легла перед Мирой. Форма полумесяца.

Потом вторая — маленькая волчья лапа.

Потом третья — звезда с неровным краем.

Тим отступил.

— Она проснулась.

— Лавка?

— Угу.

— И это плохо?

Он покачал головой, но уверенности в движении не было.

— Лисса говорила, если дом просыпается, он зовёт тех, кому некуда.

Мира коснулась формы полумесяца.

Металл был тёплым.

— Тогда нам стоит успеть раньше тех, кто придёт с утра.

Она закатала рукава.

Сначала тесто не слушалось. Мука взлетала белыми облачками, вода то пряталась в комки, то расплзалась слишком широко. Мира вспомнила главную кухню, большую каменную чашу, смех Арсена за спиной и кухарку, которая шипела: “Госпожа, тесто любит руки, а не мысли о совете”.

Тогда она думала, что это просто кухонная мудрость.

Теперь поняла: некоторые вещи и правда чувствуют, когда их делают не для галочки.

— Для Тима, — сказала она, всыпая сахар. — Для тепла. Для утра, которое не должно начинаться с чужих приказов.

Тесто под ладонями вдруг стало мягче.

Не само по себе — нет. Она всё ещё месила, пальцы уставали, спина ныла, мука липла к запястьям. Но сопротивление ушло. Комок собрался послушнее, стал гладким, тёплым, словно внутри него уже жил слабый свет.

Тим стоял рядом и наблюдал так внимательно, будто от каждого её движения зависело, останется ли крыша над головой.

— Хочешь попробовать? — спросила Мира.

Он замотал головой.

— Я испорчу.

— Я уже почти испортила. Тебе будет трудно превзойти.

— Нельзя портить еду.

Голос стал жёстким.

Мира не стала спорить. Только отщипнула маленький кусочек теста, скатала шарик и положила на ладонь.

— Тогда не порть. Сделай одну булочку для себя. Как получится.

Тим смотрел на тесто так, словно она протягивала ему не кусочек будущей выпечки, а право, к которому он не привык.

— Для себя нельзя.

— В этой лавке можно.

— Вы всё время так говорите.

— Привыкай. Я собираюсь быть очень упрямой хозяйкой.

— Вы же сказали, что не знаете, что это за место.

— Уже начинаю догадываться.

Он долго не брал тесто. Потом всё-таки протянул руку. Рука с серой меткой дрогнула, но он не спрятал её сразу. Сжал тесто пальцами, неловко, слишком сильно. Получился кривой комочек с вмятиной посередине.

Тим покраснел.

— Видите?

— Вижу.

— Некрасиво.

Мира взяла форму волчьей лапы.

— А если так?

Она осторожно прижала форму к комочку. Когда подняла металл, на тесте остался отпечаток лапы. Не ровный, не праздничный, но настоящий.

Тим замер.

— Это моя?

— Твоя.

— Её можно испечь?

— Нужно.

Он смотрел на маленькую булочку так, будто боялся, что она исчезнет, если моргнуть.

Мира выкладывала полумесяцы и звёзды на противень. Старый металл сам выскользнул из нижней полки печи, отчего она на миг прижала ладонь к груди. К таким чудесам невозможно было привыкнуть за одну ночь. Особенно если ещё вчера самым большим чудом казалось, что муж после тяжёлого совета всё равно найдёт минуту спросить, как прошёл её день.

Печь приняла противень тихо.

Серебряный огонь не обжёт руки. Он расступился, как вода, и сомкнулся вокруг теста мягким сиянием.

— Сколько ждать? — спросил Тим.

— Обычно — пока запах не станет правильным.

— А правильный — это какой?

Мира прислушалась к себе.

На главной кухне правильным был запах румяной корочки, сливочного тепла, праздника, когда в дом придут гости. Здесь всё было иначе. Здесь правильный запах должен был не звать к столу тех, кто и так сыт. Он должен был найти кого-то в темноте.

— Такой, от которого захочется постучать, — сказала она.

Тим посмотрел на дверь.

И в этот миг снаружи снова раздался шорох.

Не со стороны дороги.

Со двора.

Тим побледнел.

Мира подняла руку, прося его молчать. Взяла с края стола скалку — уже лучше, чем лопатка, хотя всё равно смешно против ночи. Прошла к задней двери. За ней кто-то был. Не взрослый: слишком лёгкое дыхание, слишком осторожное движение по мокрой траве.

— Я знаю, что вы там, — сказала Мира. — Если вы пришли с Варгом, дверь заперта. Если без него — говорите.

Молчание.

Потом тонкий, почти бесцветный голос произнёс:

— Тим здесь?

Мальчик рванулся к двери, но Мира остановила его взглядом.

— Кто спрашивает?

— Лисса.

Тим выдохнул так резко, будто его долго держали под водой.

— Она моя... — Он запнулся. — Она со мной была.

Мира открыла дверь.

На пороге стояла девочка лет девяти. Босая. В тёмном платье, поверх которого был накинут старый мальчишеский жилет. Волосы светлые, спутанные, обрезанные неровно, будто кто-то делал это в спешке и без желания. Лицо тонкое, неподвижное. Глаза — серые, слишком спокойные для ребёнка, который пришёл ночью через заросший двор.

За её плечом прятался мальчик постарше.

Ромка Буров.

Тот самый, что выглядывал из-за матери на Лунном круге.

Теперь никакой матери рядом не было. Ромка стоял в грязных сапогах, с разбитой бровью — не свежей раной, просто следом от давней драки, — и держал в руках длинную палку, будто собирался защищать Лиссу от всего мира сразу.

— Я так и знал, — сказал он, глядя на Тима. — Сбежал и даже знак не оставил.

— Я оставил, — буркнул Тим.

— Где?

— У колодца.

— Это был не знак, а царапина. Ты вообще умеешь нормально предупреждать?

— Я торопился!

— А мы нет, конечно. Мы просто так по грязи гуляем.

— Тише, — сказала Лисса.

Ромка сразу замолчал.

Не потому, что испугался. Потому что услышал её.

Мира смотрела на детей и чувствовала, как ночь становится шире. Один ребёнок — уже беда. Трое — вызов. Особенно если двое пришли не случайно, не заблудились, а нашли лавку по следу, о котором взрослые не должны были знать.

— Заходите, — сказала она.

Ромка подозрительно сузил глаза.

— Просто так?

— Могу попросить вас заполнить прошение в трёх экземплярах, но у меня нет чернил.

Тим тихо фыркнул.

Ромка покосился на него.

— Чего ты?

— Ничего.

Лисса переступила порог первой. Неуверенно, но без суеты. Оказавшись внутри, она подняла голову и посмотрела на потолок, затем на стены, потом на половицы у прилавка. Будто здоровалась не с Мирой, а с лавкой.

— Она вас пустила, — сказала девочка.

— Пока да.

— Нет. Не пока.

Ромка вошёл следом, но остановился у двери, палку не выпуская.

— Если вы нас сдадите, я разобью окно.

— Зачем? — спросила Мира.

— Чтобы сбежать.

— Окно старое. Разобьёшь — потом ночью будет дуть.

Ромка нахмурился. Такой ответ явно не входил в его привычную схему угроз.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Окна чинить нечем.

Тим посмотрел на него с плохо скрытым удовлетворением.

— Я говорил, она странная.

— Я слышу, — сказала Мира.

— Я и хотел, чтобы слышали, — буркнул Тим, но уже не так испуганно.

Лисса сделала шаг к прилавку. Пальцы у неё были тонкие, грязные от земли. На запястье, как и у Тима, темнела серая метка. У Ромки тоже — но он не прятал её. Наоборот, рукав был задёрнут выше, будто мальчик заранее бросал вызов любому, кто посмотрит.

— Они приходили? — спросила Лисса.

— Двое. Савелий и сторожевой.

Ромка выругался бы, если бы Мира не посмотрела на него заранее.

Он передумал и сказал:

— Вот же хвосты облезлые.

— Ромка, — тихо произнесла Лисса.

— А что? Это не плохое слово. Это животное состояние.

Тим хмыкнул.

Мира вдруг поняла, что в кухне пахнет.

Не просто тестом.

Тёплой корочкой. Сахаром. Ночной травой после дождя. И чем-то серебристо-свежим, как воздух перед рассветом. Запах плыл из печи в лавку, обнимал старые полки, цеплялся за занавески, которых ещё не было, за пустую витрину, за детские плечи.

Лисса закрыла глаза.

— Вот почему мы нашли.

— По запаху? — спросила Мира.

— По дому.

— Дом пахнет?

Девочка открыла глаза.

— Когда зовёт.

Ромка переступил с ноги на ногу.

— Я говорил, надо не идти. Но она сказала, что Тим здесь. А если Тим здесь, значит, он опять влип.

— Я не влип!

— Ты стоишь у бывшей Луны в сахарной развалюхе, а за тобой ходит совет. Это называется “влип”.

— Она не развалюха, — неожиданно сказал Тим.

Ромка уставился на него.

— Ты её видел?

— Она печь зажгла.

— Кто? Бывшая Луна?

— Лавка.

Ромка посмотрел на Миру, потом на серебряный свет из кухни.

— А-а. Ну тогда нормально. Нас всех заберут не из развалюхи, а из магической развалюхи.

— Никого этой ночью не заберут, — сказала Мира.

Все трое посмотрели на неё.

И в этом взгляде было слишком много разных вопросов.

Тим спрашивал, можно ли ей верить после того, как она уже один раз сказала это у двери.

Лисса — понимает ли Мира, что обещает.

Ромка — не хвастается ли взрослая женщина словами, за которые потом детям придётся расплачиваться.

Мира не стала делать голос мягким. Сейчас мягкость могла прозвучать как ложь.

— Я не знаю всех правил, — сказала она. — Не знаю, почему ваши метки называют серыми. Не знаю, почему Дом младших ветвей выпускает детей на ночь так, что они бегут босиком через двор. Не знаю, чего Варг хочет от этой лавки и почему совет вспомнил о ней именно сегодня. Но я знаю, что вы вошли сюда сами. И пока я стою на этой двери, никто не потащит вас обратно в темноту без ответа.

— А утром? — спросила Лисса.

Очень тихо.

Самый страшный вопрос всегда звучит тише остальных.

Мира посмотрела на печь.

— Утром будем говорить не в темноте.

Ромка фыркнул.

— Разговоры не помогают.

— Иногда помогают, если за спиной горит старая печь, а на столе лежит книга, которая сама пишет правила.

— Книга?

Тим важно кивнул:

— Тетрадь.
— Это разные вещи.
— Очень умный стал?
— Умнее тебя.
— Ты вообще...
— Хватит, — сказала Лисса.

Оба мальчика замолчали.

Мира решила, что девочку стоит бояться больше всех старейшин.

Печь тихо звякнула.

Дверца приоткрылась сама.

Запах стал таким тёплым, что у Миры неожиданно защипало глаза. Не от дыма — дыма не было. Просто этот запах напомнил ей всё, чего она лишилась, и всё, что внезапно оказалось перед ней: дом, который ещё не дом, дети, которые не её дети, ночь, которая не дала ей упасть.

— Кажется, готово, — сказала она.

На кухне все трое остановились у порога, не решаясь войти первыми.

— Что? — спросила Мира.

Тим пожал плечом.

Ромка сделал вид, что рассматривает потолок.

Лисса сказала за всех:

— Нас обычно не зовут туда, где пекут.

Мира взяла рукавицу с крючка. Старая, выцветшая, но чистая, будто ждала именно этой минуты.

— Тогда это придётся исправить. Входите.

Противень выехал из печи сам — медленно, осторожно, словно не хотел напугать. На нём лежали лунные булочки. Не идеальные. Некоторые вышли кривоватыми, у одной звезды край поднялся слишком высоко, а Тимова волчья лапа расплылась по краям. Но каждая светилась изнутри слабым серебряным теплом.

Ромка забыл про свою палку.

— Это можно есть?

— Я надеюсь, — сказала Мира.

— А если мы начнём светиться?

— Тогда завтра совету будет проще нас найти.

Тим прыснул. Даже Лисса чуть опустила уголки губ — почти улыбнулась.

Мира переложила булочки на деревянную доску. Серебряное сияние стало мягче, ушло под корочку, оставив только тонкий лунный ободок по краям.

— Сначала ваша, — сказала она Тиму и подала ему булочку с лапой.

Он взял её обеими руками.

Смотрел долго.

— Её жалко.

— Почему?

— Она моя.

— Поэтому и надо съесть, пока тёплая.

Ромка закатил глаза.

— Если не хочешь, я помогу.

Тим тут же прижал булочку к груди.

— Сам.

— Вот и отлично, — сказала Мира. — Лисса?

Девочка выбрала не звезду и не полумесяц, а самую маленькую, почти бесформенную булочку у края. Держала её на ладони так бережно, будто та могла заговорить.

— А тебе? — спросила Мира Ромку.
— Мне любую.
— Любую — это когда всё равно. А тебе не всё равно.
Он насупился.
— Звезду.
— Почему?
— У неё край как зуб.
— Веская причина.

Мира подала ему звезду. Ромка взял её с видом человека, которому оказали не милость, а выдали заслуженную добычу.

Сама Мира взяла полумесяц последней.
Они ели молча.

И это молчание не было пустым. В нём хрустела тонкая корочка, шуршал дождь за окном, потрескивал серебряный огонь, а где-то в старых стенах лавки просыпалось дыхание. Булочка оказалась простой и невозможной одновременно: сладкой, мягкой, с лёгким привкусом ночного холода, который уже перестал быть страшным.

Мира не заметила, как на глаза всё-таки вышли слёзы.

Одна.

Всего одна.

Она быстро отвернулась к столу, но Тим увидел.

— Вам невкусно?
— Наоборот.
— Тогда почему?

Мира вытерла щёку тыльной стороной пальца.

— Потому что иногда вкусное напоминает, как давно ты ела не за большим столом, а там, где тебе правда есть место.

Ромка перестал жевать.

Лисса опустила взгляд на свою булочку.

Тим вдруг сказал:

— Тут вам есть место.

Он произнёс это резко, будто сам испугался сказанного и хотел проскочить мимо.

Мира не стала благодарить. Не стала умиляться. Просто кивнула, принимая слова так же серьёзно, как принимала когда-то клятвы у каменного круга.

— Тогда и вам тоже.

В лавке что-то тихо щёлкнуло.

Все обернулись.

В торговой комнате, за пыльной витриной, сами собой открывались ставни. Не наружу — внутрь, осторожно, с протяжным скрипом. Лунный свет вошёл через мутные стёкла и лёг на пол. Там, где он касался досок, пыль собиралась в тонкие серебристые дорожки и отползала к стенам, будто смущённая тем, что её застали в неприбранном доме.

Ромка поперхнулся крошкой.

— Она убирается?

— Похоже, — сказала Мира.

— А полы тоже сама будет мыть?

Половица под его ногой резко скрипнула.

Ромка подпрыгнул.

— Всё, понял. Сам помою.

Тим засмеялся.

На этот раз по-настоящему.

Смех вышел коротким, сорванным, почти забытым, но он был. Мира услышала его и вдруг ясно поняла: если бы ради этого звука ей пришлось ещё раз пройти Лунный круг, она бы прошла. Не потому, что боль стала меньше. Нет. Просто у боли появился смысл, кроме унижения.

Лавка просыпалась.

С полка осыпалась пыль, но не падала на пол, а собиралась в маленькие серые клубки и исчезала в щелях. Дверца нижнего шкафа распахнулась, показывая стопку чистых полотенец. Из-под прилавка выкатился клубок бечёвки. На стене над крючком проявилась выцветшая роспись: маленькие волчата несут корзинки под полной луной.

Лисса подошла к стене и положила ладонь на рисунок.

— Она помнит.

— Что? — спросила Мира.

— Голоса.

— Чьи?

Девочка закрыла глаза.

— Детей. Много. Они смеялись. И кто-то пел, когда месил тесто.

— Женщина?

Лисса кивнула.

— С тёплыми руками. Она говорила: “Серых не бывает. Бывают те, кого плохо разглядели”.

Мира замерла.

Тим медленно опустил недоеденную булочку.

Ромка смотрел в сторону, но Мира видела, как напряглась его челюсть.

— Кто она? — спросила Мира.

Лисса убрала руку.

— Не знаю. Стены помнят голос, а не имя.

Тетрадь на столе зашелестела.

Мира подошла к ней. На новой странице проступила строка:

Имя хранится там, где хозяйка не ищет.

— Загадки, — буркнул Ромка. — Обожаю. Особенно когда за нами утром придут.

— За вами уже приходили ночью, — напомнила Мира. — И ушли.

— Потому что у них бумажка была не от альфы. Утром будет от альфы.

При имени Арсена кухня будто стала теснее.

Мира сложила руки на краю стола.

— Возможно.

Тим посмотрел на неё с тревогой.

— Он вас слушает?

Мира не ответила сразу.

Как сказать ребёнку правду так, чтобы не отнять у него последнюю опору? Арсен был альфой. Законным. Сильным. Привыкшим решать. Но сегодня он уже выбрал не её. И если утром Варг принесёт ему нужные слова, нужные печати и нужное обвинение, кто поручится, что Арсен не выберет снова чужую уверенность вместо её голоса?

— Не знаю, — сказала она честно.

Ромка хмыкнул.

— Хороший план.

— Зато честный.

— Честностью двери не держат.

— Иногда держат. Если за ней стоит тот, кому надоело врать.

Он посмотрел на неё исподлобья.

— Вы правда не брали казну?

Мира медленно повернулась к нему.

Тим замер.

Лисса открыла глаза.

Ромка выдержал её взгляд, хотя пальцы у него сжались вокруг булочки. Он спросил не из любопытства. Ему нужно было знать, не прячутся ли они у взрослой, которую завтра снова назовут виновной.

— Нет, — сказала Мира. — Я не брала.

— А почему альфа поверил, что брали?

Вот этот вопрос был более первого.

Мира могла бы сказать: потому что Варг умеет плести интриги. Потому что совет давно хотел убрать её. Потому что Арсен слишком привык к власти и слишком мало — к сомнениям. Потому что любовь без доверия оказывается красивой чашей без дна.

Но детям не нужны были её взрослые раны вместо ответа.

— Потому что иногда сильные тоже боятся ошибиться, — сказала она. — И выбирают поверить тому, что выглядит удобнее.

— Значит, он глупый, — сказал Тим.

— Тим.

— Что? Если человек верит Варгу, он глупый.

Ромка кивнул:

— Тут не поспоришь.

Мира неожиданно улыбнулась.

— Я не стану обсуждать ум альфы за ночной выпечкой.

— А зря, — пробормотал Ромка. — За выпечкой все разговоры лучше.

Лисса вдруг подошла к окну.

— Светлеет.

Ночь за стеклом и правда стала менее густой. До рассвета оставалось немного. Серая полоска на краю неба отделяла крыши складов от темноты. Мира почувствовала, как усталость навалилась сразу на плечи, на шею, на пальцы. За одну ночь она потеряла дом, открыла лавку, спрятала ребёнка, зажгла невозможную печь, впустила ещё двоих и теперь должна была решить, как встречать утро.

Словно услышав её мысли, лавка скрипнула дверцей маленького шкафа у стены.

Внутри лежали три свёрнутых одеяла.

Ромка уставился на них.

— Она точно подслушивает.

— Лисса тоже, — сказал Тим.

— Лисса — человек.

— А лавка — нет?

Они посмотрели на стены.

Лавка тихо звякнула ложками.

Мира взяла одеяла.

— Спать будете в комнате за кухней. Кровать одна, но можно устроиться на полу у печи. До рассвета хотя бы немного отдохнёте.

— А вы? — спросила Лисса.

— Я посижу здесь.

— Чтобы мы не убежали? — насторожился Ромка.

— Чтобы никто не вошёл.

Он отвернулся первым.

— Я не сплю на полу у чужих.

— Тогда не спи. Сиди и охраняй.

Это ему понравилось больше. Он сразу подобрал палку и встал у кухонного порога так важно, будто охранял не трёх усталых детей и бывшую Луну, а границу всей Северной стаи.

Лисса устроилась ближе к печи, свернувшись под одеялом почти бесшумно. Тим долго держался, но булочка, тепло и пережитый страх сделали своё: через несколько минут он уже клевал носом, сидя на табурете. Мира осторожно пересадила его на сложенное одеяло. Он проснулся на миг, схватил её за рукав.

— Не отдавайте.

— Не отдам этой ночью.

— А утром?

Она накрыла его плечи.

— Утром я буду стоять у двери.

Он хотел что-то сказать, но сон всё-таки забрал его раньше.

Мира осталась на кухне.

Печь горела тише. Серебряный огонь больше не казался чудом, которое может исчезнуть, если отвернуться. Он стал частью комнаты, как стол, формы, мука на рукаве, детское дыхание у стены.

Она взяла ещё одну булочку и вышла в лавку.

Там уже было почти чисто. Не идеально — нет. Полки всё ещё требовали тряпки, окна — воды и терпения, прилавков — хорошей починки. Но лавка перестала выглядеть заброшенной. Она была похожа на старую женщину, которая проснулась после долгого сна, нашла на плечах пыль, неодобрительно фыркнула и решила привести себя в порядок до прихода гостей.

Мира подошла к витрине.

На стекле, изнутри, проступали буквы.

Сначала она решила, что это отражение тетради. Но нет. Буквы появлялись прямо на мутном стекле, вытягиваясь из лунного света.

Дом тем, кого не выбрали.

Те же слова.

Мира провела по ним пальцем. Стекло было тёплым.

— Тебе обязательно писать это на виду? — спросила она шёпотом.

В ответ на прилавке подпрыгнул кусочек мела.

— Конечно, — пробормотала Мира. — Как я могла сомневаться.

Она взяла мел. Рядом с ним лежала маленькая грифельная доска, которой раньше, наверное, писали цены. Поверхность была чистой. Ждала.

Мира долго смотрела на неё.

Что написать? “Закрето”? “Не входить”? “Совету не рады”? Последнее было приятно, но неразумно.

В конце концов она вывела:

Сахарная лавка.

Откроется после рассвета.

Для тех, кто пришёл с добром.

Мел в её руке потеплел и сам добавил внизу маленькую волчью лапу.

— Самодеятельность приветствуется, вижу.

За спиной послышался голос Лиссы:

— Она любит, когда смешно.

Мира обернулась.

Девочка стояла в дверях кухни, укутанная в одеяло. Выглядела ещё меньше, чем на пороге.

— Ты не спишь?

— Стены громко радуются.

— Мне жаль.

— Нет. Так лучше.

Лисса подошла к витрине и посмотрела на надпись.

— Они разозлятся.

— Совет?

Девочка кивнула.

— Почему?

— Потому что если кто-то пришёл с добром, его пустят. А если не с добром — все увидят.

Мира задумалась.

— Лавка умеет отличать?

— Не всегда. Но дети умеют.

Лисса сказала это просто, без гордости. Как говорят о цвете неба.

— Поэтому серые? — спросила Мира.

Девочка посмотрела на своё запястье.

— Так нас называют, когда хотят, чтобы другие не слушали.

— А как вы называете себя сами?

Лисса долго молчала.

— Никак.

И ушла обратно к печи.

Мира осталась у витрины с этим “никак” в сердце.

Без имени легче разделять. Без имени легче переводить из дома в дом, ставить метку, записывать в чужие списки, искать ночью с фонарями. Без имени ребёнок становится делом. Пунктом. Ошибкой в порядке.

Мира посмотрела на свои руки. Мука забилась под ногти, на запястье осталась красная полоска от снятой цепочки Луны. Титула больше не было. Но имя осталось.

Значит, надо было начать с имён.

За окнами посветлело окончательно.

Первым пришёл не совет.

Первой пришла старая Висена.

Мира увидела её через витрину: маленькая сухонькая женщина в тёмном платке, с корзиной в руках. Она шла медленно, опираясь на палку, и всё время оглядывалась, будто боялась, что её заметят не те. У крыльца остановилась, прочитала надпись на доске, потом подняла глаза на витрину.

На слова *“Дом тем, кого не выбрали”*.

Висена побледнела.

Мира открыла дверь раньше, чем старуха решилась постучать.

— Доброе утро.

Висена несколько раз моргнула.

— Так и знала, что старая вывеска соврёт.

— Вы о чём?

— Там вчера ещё облезлый сахар был. А теперь... — Она ткнула пальцем в стекло. —

Теперь правда.

Мира отступила.

— Войдёте?

Старуха переступила порог осторожно, как входят не в лавку, а в место, где когда-то оставили чужую тайну.

— Я ненадолго. Принесла яблоки. Кислые, но для начинки сгодятся. И тряпки. У меня лишние. Только не говори, что это от меня, если спросят.

— Висена.

— Не спорь со старшими. Тебя вчера выгнали, не оглушили же.

Мира приняла корзину.

На яблоках ещё были капли росы. Между ними лежал маленький свёрток с иглами и катушкой белой нити.

— Спасибо.

Висена фыркнула.

— Благодарить будешь, когда крышу залатаешь. У тебя над кухней щель. Я ещё пятнадцать лет назад говорила, что сгниёт.

— Вы здесь бывали?

Старуха сразу поджала губы.

— Все где-то бывали, пока совет не решил, что память вредна.

Из кухни донёсся сонный голос Ромки:

— Это кто?

Висена замерла.

Мира тоже.

Тим появился следом, взъерошенный, с одеялом на плечах. Увидел старуху и напрягся. За ним выглянула Лисса.

Висена смотрела на детей долго.

Очень долго.

Потом поставила корзину на прилавок и отвернулась к полкам.

— Булочки есть?

Мира не сразу поняла.

— Что?

— Булочки, говорю, есть? Раз лавка открылась, надо же что-то купить. Не буду я просто так с пустыми руками отсюда выходить, меня потом Дара вопросами замучает.

Тим шёпотом спросил:

— Она нас не видит?

Висена даже не повернулась.

— Вижу я прекрасно. Старые глаза не значит пустые. Просто не считаю нужным орать на всю улицу, что в лавке дети. Где булочки?

Ромка вышел на кухонный порог.

— Вы кому расскажете?

— Своей кошке. Она глухая и всё равно мне не верит.

Тим хихикнул.

Висена посмотрела на него и вдруг очень мягко сказала:

— А ты, малец, не смей смеяться с полным ртом, когда поешь. Поперхнёшься — напугаешь хозяйку.

Слово “поешь” повисло в воздухе так естественно, что Тим опустил глаза.

Мира переложила оставшиеся булочки в чистое полотенце.

— Денег я не возьму.

— А я милостыню не подаю. — Висена достала из рукава три медные монеты и положила на прилавок. — Лавка есть лавка. Хозяйка есть хозяйка. Товар есть товар.

— Они кривые.

— Первые всегда кривые. Зато честные.

Старуха взяла две булочки, положила в корзину, а третью разломилась и откусила прямо у прилавка. Жевала медленно, с таким строгим лицом, будто решала судьбу целого праздника.

— Ну? — не выдержал Ромка.

— Сахара мало.

Мира вздохнула.

— Я учту.

— И соли нет.

Ромка фыркнул.

— Зато светятся.

Висена подняла бровь.

— Молодой человек, я в твоём возрасте ела такие сахарные луны, что у меня потом весь язык серебрился. Этим меня не удивить.

Лисса сделала шаг вперёд.

— Вы помните лавку?

Старуха посмотрела на неё. На этот раз прямо. Без страха перед меткой.

— Помню.

— Кто здесь пел?

Висена перестала жевать.

Мира заметила, как пальцы старухи сжались на корзине.

— С чего ты взяла?

— Стены сказали.

Старуха закрыла глаза.

— Значит, правда проснулась.

Она повернулась к Мире.

— Не отпирай сегодня заднюю кладовую.

— Почему?

— Потому что если лавка открыла переднюю часть, это ещё не значит, что она простила всё остальное.

— Что в кладовой?

Висена покачала головой.

— Не при детях.

Ромка возмутился:

— Нам вообще-то тоже интересно!

— Вот поэтому и не при вас.

Он открыл рот для спора, но Лисса тихо сказала:

— Не надо.

И Ромка замолчал.

С улицы донёсся новый звук.

Не шаги старухи.

Не осторожный шорох.

Стук копыт по мокрой дороге.

Мира подошла к окну.

К лавке ехал всадник. Один. В тёмном плаще с серебряной застёжкой у горла. На расстоянии ещё нельзя было разобрать лицо, но Мира узнала посадку сразу. Так сидел в седле человек, которому дорога всегда уступала раньше, чем он требовал.

Арсен.

Тим отступил в кухню.

Ромка схватил палку.

Лисса закрыла ладонью серую метку.

Висена тихо выругалась себе под нос чем-то старинным и неодобрительным, но Мира не обернулась.

Арсен остановил коня у крыльца.

Он был без сопровождения.

Это могло быть хорошим знаком.

Или худшим.

Мира смотрела, как он спешивается, как поднимает голову к вывеске, как читает слова на витрине. На его лице не дрогнул ни один мускул, но она слишком хорошо знала этого мужчину. Поняла по плечам: увиденное ударило.

Потом его взгляд опустился ниже.

На доску у двери.

Для тех, кто пришёл с добром.

Арсен стоял перед лавкой несколько долгих мгновений.

Затем поднялся на крыльцо.

И постучал.

Не как альфа.

Не как хозяин.

Как человек, который впервые не знал, пустят ли его внутрь.

Мира открыла дверь.

Между ними пахло утренним дождём, лунными булочками и всем тем, что осталось несказанным после ночи.

Арсен посмотрел на неё, потом за её плечо — туда, где трое детей стояли у кухни.

Его взгляд задержался на Тиме.

На Лиссе.

На Ромке.

На серых метках.

Лицо альфы стало непроницаемым.

— Мира, — сказал он низко. — Совет требует, чтобы ты немедленно явилась на допрос.

Он протянул ей серебряную пластину со знаком альфы.

Мира опустила взгляд. Под печатью, мелким и безжалостным письмом, было выведено: “В случае отказа явиться дети будут возвращены силой, а помещения сахарной лавки опечатаны до решения совета”.

Слова ударили сильнее, чем сам приказ. Не потому, что Мира испугалась печатей. Потому что под угрозой стояли не стены.

На этот раз подпись была его.

Альфа у порога

Мира не взяла серебряную пластину сразу.

Она смотрела не на знак альфы, выбитый у верхнего края, и не на чёткую подпись Арсена внизу. Она смотрела на его руку.

На ту самую руку, которая когда-то держала её ладонь перед Лунным кругом. На пальцы, уверенные, сильные, с тонким шрамом у большого пальца — следом от старого тренировочного клинка. Тогда, в первый месяц их брака, она спрашивала, болит ли он в непогоду, и Арсен смеялся: “Только когда моя Луна хмурится”.

Теперь эта рука протягивала ей приказ.

— Как быстро, — сказала Мира. — Ночью совет приходил без твоей подписи. Утром уже с ней. Варг не спал или ты?

Арсен не отвёл взгляда.

— Я пришёл сам.

— Я заметила. Конь у крыльца один. Свита, видимо, не поместилась в сахарную лавку.

В кухне Ромка тихо прыснул, но тут же замолчал, когда Лисса коснулась его локтя.

Арсен услышал.

Конечно, услышал.

Его взгляд скользнул мимо Миры — туда, где за её спиной стояли трое волчат. Тим почти спрятался за косяк, Лисса стояла неподвижно, прижав ладонь к запястью, а Ромка держал палку с таким видом, будто намеревался сразиться с альфой Северной стаи при помощи кривой ветки и чистого упрямства.

Лицо Арсена осталось спокойным.

Слишком спокойным.

Мира знала этот покой. Он появлялся на нём перед трудным решением, когда внутри уже шла буря, но наружу выходит

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.